

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIIY TA'LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI
FARG'ONA DAVLAT UNIVERSITETI

**FarDU.
ILMIY
XABARLAR-**

1995-yildan nashr etiladi
Yilda 6 marta chiqadi

**5-2025
FILOLOGIYA**

**НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
ФерГУ**

Издаётся с 1995 года
Выходит 6 раз в год

Г.Н.Давлятова	
Харизматический образ оратора в публичной речи.....	110
Z.V.Alimova	
Navoiyning "Saddi iskandariy" dostonidagi ba'zi antonim so'zlar xususida.....	114
A.A.Qosimov	
Mythopoeic onomastics: a taxonomic paradigm for mythonymic construction in C.S.Lewis's literary corpus.....	119
S.M.Muminov, D.R.Abdumalikova	
O'zbek va ingliz muloqot xulqida disputning lingvokulturologik asoslari.....	127
Sh.S.Mo'minov, N.M.Rahmatova	
Boshqaruvga oid qarashlarning zamonlararo takomili	131
M.O.Obilov	
Akademik diskursda funksional va pragmatik yondashuvlar: nazariy-metodologik asoslar	134
A.O'.Abdullayev	
Kolorativ leksikada ramzlar talqini	138
Б.Мамедова	
Концептуальные основы языковой идентичности и отношений личности и общества в мышлении XX века.....	144



UO'K: 81'27:81'33:808.51

ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОРАТОРА В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

OMMAVIY NUTQDAGI NOTIQNING XARIZMATIK OBRAZI

THE CHARISMATIC IMAGE OF THE SPEAKER IN PUBLIC SPEECH

Давлятова Гульчехра Насыровна кандидат педагогических наук, профессор Ферганский государственный университет,
кафедры русской филологии

Аннотация

Статья рассматривает лингвокреативные стратегии, с помощью которых оратор конструирует и поддерживает харизматический образ в публичной речи. Эмпирической базой выступают два русских автора — Иосиф Бродский (фрагменты «Нобелевской лекции», 1987) и Александр Солженицын (фрагменты Гарвардской речи «Расколотый мир», 1978). Теоретический каркас составляют фреймовая семантика (Ч. Филмор), теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и «новая риторика» (Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека). Результаты демонстрируют микролингвистический разбор конкретных предложений, показывающий, как метафорический рефрейминг, парадоксальная дефиниция, афористичность, градация и деиктическое уплотнение организуют *ethos*, *logos* и *pathos* речи. Показано, что харизма артикулируется не «психологически», а дискурсивно — как эффект согласованной работы когнитивных и риторических механизмов.

Annotatsiya

Maqolada notiqning ommaviy nutqda xarizmatik obrazni yaratishi va uni qo'llab-quvvatlashi uchun qo'llaniladigan lingvokreativ strategiyalar tahlil qilinadi. Empirik asos sifatida ikki rus muallifi — Iosif Brodskiy (Nobel ma'ruzasi parchalari, 1987) va Aleksandr Soljenitsin (Garvard ma'ruzasi "Ikki qutbli dunyo", 1978) nutqlari o'rganiladi. Teoretik asosni freym semantikasi (C. Fillmor), konseptual metafora nazariyasi (J. Lakoff, M. Johnson) hamda "yangi ritorika" (H. Perelman, L. Olbrext-Titeka) tashkil etadi. Natijalar bo'limida aniq gaplarning mikrolingvistik tahlili keltirilib, unda metaforik qayta freyming, paradoksal ta'rif, aforistik siqilish, gradatsiya va deiktik zichlashuv nutqning *ethos*, *logos* va *pathos*ini qanday tashkil etishi ko'rsatiladi. Xarizma "psixologik" emas, balki diskursiv hodisa sifatida — kognitiv va ritorik mexanizmlarning uyg'un ishlashidan hosil bo'luvchi effekt sifatida namoyon bo'lishi asoslab beriladi.

Abstract

The article examines the *linguo-creative* strategies through which an orator constructs and sustains a charismatic image in public speech. The empirical basis consists of two Russian authors — Joseph Brodsky (fragments of the Nobel Lecture, 1987) and Alexander Solzhenitsyn (fragments of the Harvard speech *A World Split Apart*, 1978). The theoretical framework is based on frame semantics (C. Fillmore), the theory of conceptual metaphor (G. Lakoff, M. Johnson), and the "new rhetoric" (Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca). The results section presents a microlinguistic analysis of specific sentences, showing how metaphorical reframing, paradoxical definition, aphoristic compression, gradation, and deictic densification organize the *ethos*, *logos*, and *pathos* of speech. It is shown that charisma is articulated not "psychologically" but discursively — as the effect of the coordinated functioning of cognitive and rhetorical mechanisms.

Ключевые слова: харизма речи, лингвокреативность, риторические стратегии, концептуальная метафора, фреймовая семантика, *ethos*, *logos*, *pathos*.

Kalit so'zlar: O'zbekcha (lotin alifbosi): nutq xarizmasi, lingvokreativlik, ritorik strategiyalar, kontseptual metafora, freym semantikasi, *ethos*, *logos*, *pathos*

Key words: speech charisma, linguistic creativity, rhetorical strategies, conceptual metaphor, frame semantics, *ethos*, *logos*, *pathos*.

ВВЕДЕНИЕ

Современная риторика и когнитивная лингвистика сходятся в тезисе о функциональной природе «харизмы речи»: она не присуща личности вне дискурса, а возникает из синергии языковых приемов, которые обеспечивают когнитивную экономию и аффективный резонанс. В рамках «новой риторики» «харизматичность описывается как способность организовать согласие аудитории посредством приемов аргументации,

TILSHUNOSLIK

изоморфных ее ценностным установкам» [4, с. 11]. Концептуальная метафора рассматривается как «базовый механизм креативной репрофилизации опыта: метафорическое картографирование позволяет переводить абстрактные ценности в доступные чувственно-образные домены, тем самым формируя когнитивные «якоря» и задавая предсказуемые траектории интерпретации» [7, с. 1]. Фреймовая семантика дополняет эту оптику, показывая, что каждое ключевое слово активирует «рамку» — организованный пакет знаний с ролями и слотами; креативность оратора проявляется в смещении фокуса внутри рамки и в перекодировании слотов, когда, например, «этика» представляется как производная «эстетики» [8]. В публичной речи такого типа *ethos* (образ говорящего) складывается из последовательных самоопределений и нарративных ролей, *logos* — «из прозрачной метафорической архитектуры, а *pathos* — из ритмико-синтаксической организации, которая дозирует аффект и передает аудитории «дыхание» текста» [4; 7; 8].

В русской традиции лингвистики и риторики также обращается внимание на феномен харизмы речи. Так, Е. Н. Ширяев «выделяет коммуникативный стиль оратора как систему средств, где харизма проявляется в балансе между пассивной аргументацией и экспрессивной образностью» [6]. В работах В. И. Карасика подчеркивается, что «харизматическая личность реализуется в дискурсе через особый «личностный регистр», где креативность речи сопряжена с этической самоидентификацией» [3]. Наконец, исследования в области когнитивной прагматики (Н. Д. Арутюнова, В. В. Красных) показывают, что «харизма формируется как результат интерпретационных стратегий, при которых аудитория воспринимает речь не только как информацию, но и как акт смыслопорождения» [1]. Для демонстрации этих механизмов обращаемся к двум показательным различным, но сопоставимым по культурному статусу речам — Бродского и Солженицына, где харизматический эффект достигается посредством разных, но взаимодополняющих лингвокреативных стратегий.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом послужили фрагменты «Нобелевской лекции» И. Бродского в авторизованном русском тексте (официальная публикация Нобелевского фонда) и фрагменты Гарвардской речи А. Солженицына «Расколотый мир» в устойчивом русскоязычном корпусе воспроизведений. Анализ строится как качественный микролингвистический разбор конкретных предложений, в сочетании с когнитивно-дискурсивным описанием активируемых рамок и риторических фигур. Для Бродского выделяются парадоксальная дефиниция («эстетика — мать этики»), метафорическая аргументация ограниченности («количество цветов в спектре ограничено»), «тет-а-тетность» адресации. Для Солженицына — афористическая номинация проблемы («падение мужества»), синтаксическая градация и деиктическое уплотнение («здесь», «сейчас») в сочетании с метафорой «юридических весов» как модели ценностного суждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Первый кейс — Иосиф Бродский. В центре его лекции — креативная «перестройка» отношений эстетики и этики. Ключевое предложение «Ибо эстетика — мать этики; понятия „хорошо“ и „плохо“ — понятия прежде всего эстетические» разворачивает генеалогическую метафору: этика мыслится как «дочерний» конструкт эстетического выбора. Эта метафора выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она переводит абстрактную норму в феноменологию вкуса (слот «оценка» перезаписывается как «ощущение формы»), с другой — снимает противопоставление «красота/добро», оформляя их в одну иерархию. Микронастройку этой иерархии обеспечивает второе, короткое, но семантически насыщенное высказывание: «В этике не „все позволено“ потому, что в эстетике не „все позволено“, потому что количество цветов в спектре ограничено». Здесь квантифицирующая метафора «спектра» воплощает идею онтологической ограниченности возможных форм; логос аргумента получает «физическую» поддержку, а *pathos* — спокойную уверенность «объективного закона». Афористическая компрессия (двухступенчатая причинность «не потому, что..., а потому, что...») и перформативная симметрия создают эффект мыслительной чистоты, который проецируется на *ethos* оратора: перед нами «мудрец-

формолог», ставящий предел произволу, но не силой запретов, а дисциплиной вкуса. Указанные предложения, будучи помещенными в окружение размышлений о частном и тета-тетности искусства, усиливаются еще одним тезисом: «Если искусство чему-то и учит, то именно частности человеческого существования». Так вводится нарративная перспектива «частного человека», чья автономия задает этическую норму снизу — через эстетическое переживание. В совокупности эти три микрофрагмента демонстрируют «креативный силлогизм» Бродского: эстетическое переживание → устойчивый вкус → этическая неуступчивость. Именно на этом «невидимом» механизме держится харизматический эффект — аудитория распознает в говорящем не столько морального проповедника, сколько носителя безукоризненной формы, способной быть мерилom для всех.

Второй кейс — Александр Солженицын. Харизматическая сила его Гарвардской речи строится на иной композиции: здесь первичен пророческий пафос, удерживаемый строгой логикой диагностических формул. Афористическое «Падение мужества — может быть самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе» выполняет функцию дефиниции-диагноза: в одном высказывании «падение» метафоризирует нравственный дефект как физическое ослабление, а «самое разительное» задает высшую степень шкалы, немедленно маркируя событие как критическое. Эта афористичность поддерживается градацией и деиктическим уплотнением: «здесь», «сейчас», «сегодня» укорачивают дистанцию между трибуной и диагнозом, заставляя аудиторию пережить речь как акт «моральной немедленности». Не менее показателен пассаж: «Общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека». Метафора «весов» вводит фрейм оценки, где юридическое — только один из каналов измерения; интенция — «поднять» норму выше закона — передается не назиданием, а сменой базовой метафоры, благодаря чему *logos* (довод) получает образную «опору», а *ethos* говорящего фиксируется как авторитет ценностей, превосходящих процедурную рациональность. В обоих фрагментах синтаксис подчинен задаче акцентного выдвижения: короткие предложения, бинарные конструкции («не только... но и...» в соседних *abzasax*, антитетичность «свобода/безответственность») обеспечивают «молотовую» ритмику, которая и сама по себе конституирует харизматическую перформативность — речь звучит «как судьба».

Сопоставительный ракурс выявляет различие «источников харизмы». У Бродского — это интеллектуально-эстетическая креативность, которая убеждает не эмоциональным напором, а архитектурой идеи: парадоксальная дефиниция («эстетика — мать этики») перестраивает привычный фрейм и тем самым перераспределяет роли агента и критерия. Харизма здесь — производная от логоса формы; она отсылает к «способности отличать подлинное от подделки», превращая вкус в протез морали. У Солженицына — наоборот: первичен нравственно-пророческий регистр; креативность состоит в точном подборе «сильных» метафор-узлов («расколотый мир», «падение мужества», «юридические весы»), которые конденсируют коллективный опыт и дают аудитории язык для принятия трудных истин. Харизма тут — производная от этического напряжения, контролируемого логикой образов. В обоих случаях эстетика и этика не разведены, но собраны в разные конфигурации: Бродский эстетикой обосновывает этику; Солженицын этикой дисциплинирует эстетику афоризма и метафоры. В терминах теории аргументации это две модели: эпистемическая (убеждение через видимость формы как истины) и аксиологическая (убеждение через восстановление иерархии ценностей) [1; 2].

Наконец, отметим роль ритма и композиции как носителей креативного смысла. Бродский добивается «логической плавности» — в его фразах действует синтаксическая симметрия и мягкая анадиплосис причинности («не потому, что..., а потому, что...»), от чего выводы переживаются как естественное «прояснение». Солженицын, напротив, строит ритм на полузакрытых периодах и акцентных ударах: «Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?» — здесь вопросно-риторическая форма, усиленная историческим аргументом, конструирует эффект «вынужденного согласия». В обоих случаях ритм не служит «украшением», а является когнитивным инструментом: он задает скорость интерпретации, управляет точками внимания и тем самым фактически «производит» харизматическое впечатление.

ВЫВОДЫ

Лингвокреативные способности оратора проявляются как умение перестраивать рамки интерпретации и задавать аудитории минимальные, но предельно емкие смысловые опоры. В анализе Бродского показано, как парадоксальная дефиниция и метафора ограниченного спектра создают когнитивный каркас, в котором эстетический выбор становится источником этической нормативности. В анализе Солженицына продемонстрировано, что афористическая номинация и «юридическая» метафорика способны репрофилировать политическую критику в моральную диагностику, усиливая авторитет говорящего без апелляции к внешней силе. Харизма в обоих случаях конструируется дискурсивно: через согласование *ethos* (образ и авторитет), *logos* (архитектура довода) и *pathos* (аффективная модуляция), обеспеченное метафорическим рефреймингом и ритмико-синтаксической организацией. Теоретическая перспектива «новой риторики», концептуальной метафоры и фреймовой семантики позволяет описать эти эффекты как воспроизводимые паттерны, а не уникальные «чертовые искры», что открывает путь к операционализируемым критериям харизматичности публичной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
2. Бродский И.А. *Нобелевская лекция* (1987) // Официальный русский текст Нобелевского фонда. — Электронный ресурс. (Доступ подтвержден онлайн).
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
4. Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. *Новая риторика. Трактат об аргументации* / перевод и комментарии С. Э. Зверев. — СПб.: Алетейя, 2024. — 711 с.
5. Солженицын А.И. *Речь в Гарварде «Расколотый мир»* (1978) // Русский текст. — Электронный ресурс.
6. Ширяев Е.Н. Культура русской речи: Энциклопедический словарь / отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. — М.: Academia, 1998. — 384 с. Википедия
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* / transl. from English by A.N. Baranova, A.V. Morozova; ed. and foreword by A. N. Baranova. — Moscow: URSS, 2004. — 252 p.
8. Fillmore C.J. *Frame Semantics* // *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. — Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. — P. 111–137.
9. Давлятова Г.Н. Лингвокреативные способности оратора как харизматической личности. // Международная научно-практическая конференция «Риторика в мировом пространстве: наука, образование, практика». — Фергана, 2023. — С. 29-34.
10. Давлятова Г.Н. *Основы риторики*. // Учебник. — Фергана, 2022. — 140 с.